

Е.Г. Водичев*

**ТРУД, СОБСТВЕННОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ
В КОНЦЕПТАХ И СОВЕТСКИХ РЕАЛИЯХ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-3
УДК 351.746 "192"(093.3)

Выходные данные для цитирования:
Водичев Е.Г. Труд, собственность и экономические свободы в концептах и советских реалиях // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 33–49.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-03.pdf>

E.G. Vodichev*

**LABOUR, PROPERTY AND ECONOMIC FREEDOMS
IN CONCEPTS AND SOVIET REALITIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-3

How to cite:
Vodichev E.G. Labour, Property and Economic Freedoms in Concepts and Soviet Realities // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 33–49.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-03.pdf>]

Abstract. The paper touches upon the key issues of economic theory such as the problems of ownership of the means of production and the product produced, labour and labour relations, as well as socio-economic inequality as presented in the research paradigm of the famous political economist Ya.A. Kronrod, which are also applied to the Soviet practices of etatisation. Relationships between these concepts are established. The reflection of the factor of etatisation in the "classical" model of Stalinist socialism, as well as the evolution of the role of this determinant in the conditions of Khrushchev's democratisation, are shown. It is concluded that the retained etatisation of property, production and labour relations, as well as etatisation of labour in general, in the face of new challenges in the transforming economy, gradually led to the collapse of the Soviet system.

Keywords: Ya.A. Kronrod, USSR, social oligarchism, property, labour relations, etatisation of labour, motivation of labour.

The article has been received by the editor on 25.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье в приложении к научной парадигме известного политэконома Я.А. Кронрода рассматриваются проблемы экономической теории – проблемы собственности на средства производства и произведенный продукт, труда и трудовых отношений, а также социально-экономического неравенства в условиях советских практик этатизации общества. Устанавливаются взаимосвязи между этими понятиями. Показано отражение фактора этатизации в «классической» модели сталинского социализма, а также эволюция роли этого детерминанта в условиях хрущевской демократизации. Сделан вывод, что сохранявшаяся этатизация собственности, производственных и трудовых отношений, а также труда в целом в условиях новых вызовов в трансформирующейся экономике постепенно привела к коллапсу советской системы.

Ключевые слова: Я.А. Кронрод, СССР, социолитархизм, собственность, трудовые отношения, этатизация труда, мотивация труда.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022 г.

* **Евгений Григорьевич Водичев**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: vodichev@mail.ru

Evgeny Grigorievich Vodichev, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: vodichev@mail.ru

Эта статья навеяна размышлениями, связанными с личностью и творческим наследием одного из «знаковых», по нашему мнению, но ныне почти забытых экономистов недавнего прошлого – Якова Абрамовича Кронрода, одного из немногих, кто осмеливался в советское время бороться против «безрыночного» социализма¹. 2022 год – год 110-летия со дня рождения этого, на наш взгляд, крайне интересного исследователя, сумевшего подняться от «политэкономии социализма» до социологии в широком понимании этого термина и даже до историософии, и от догмат марксизма до объективного структурного анализа современного ему общества, оставаясь в рамках марксистской диалектики. Но именно поэтому 2022 год одновременно стал годом еще одного «юбилея» – пятидесятилетия с момента окончательного разгрома возглавляемого им подразделения в структуре Института экономики АН СССР и созданного Кронродом научного направления в экономической науке. Автор будет удовлетворен, если кто-то из читателей, тем более непрофессионалов в области экономики, вспомнит это имя или вновь откроет для себя работы Я.А. Кронрода. Читатель, знакомый с некоторыми деталями профессиональной биографии автора этого текста, возможно, увидит в нем и определенные личные мотивы, побудившие обратиться к этой теме. И будет прав.

Тема текущего выпуска журнала обозначена как «этатизация труда». И эта проблема позволяет под несколько иным углом обратиться к принципиальным аспектам научных концептов Кронрода, поскольку проблема труда и трудовых отношений является одной из ключевых в политэкономии (или макроэкономике) и позволяет выйти на широкие обобщения и связать экономические отношения с анализом социума. Обычно под понятием этатизации труда понимается процесс распространения государства на сферу трудовых отношений. При этом возникает вопрос: всегда ли такая коннотация имеет негативную окраску и возможна ли в принципе ситуация в обществе, при которой государство не вмешивается в эту важнейшую область социально-экономической политики? Думается, что ответ на оба вопроса будет отрицательным, поскольку государство представляет собой социальный институт, обеспечивающий гармонизацию интересов других институтов общества в различных сферах его жизнедеятельности. Отказ государству в праве на осуществление таких функций – это иллюзия в духе анархизма или сентенций о его постепенном «отмирании», которыми были насыщены коммунистические мифологемы в определенные исторические периоды. Представить себе область трудовых отношений без регуляторного вмешательства государства в принципе вряд ли возможно: именно для этого существуют нормы трудового права, как и конституционно зафиксированное право на труд. Весь вопрос заключается в том, какие инструменты и методы и в какой мере используются государством для регулирования трудовых отношений в обществе. А выбор, как известно, широк – от монархизма до тоталитаризма. И в данном отношении советская история предоставляет немало информации к размышлению, которая может существенно повлиять на традиционные представления на этот счет.

Сферу трудовых отношений и роль государства сложно анализировать исключительно как теоретическую проблему вне исторического контекста. При постановке вопроса «в общем и целом» возникает вполне гламурная схема, при которой государство сбалансированно использует правовые нормы, выступающие в качестве условного «пряника», чтобы поощрить представителей общества к эффективному труду, и «кнут», чтобы сформировать понимание его значимости у тех, кто не вовлечен в сферу трудовой деятельности или вовлечен, но выполняет свои функции непроизводительно. Коммунистическая идеология вписывала в этот контекст труд как естественную потребность и обязанность «индоктринированного» ею человека, что на самом деле уже является искажением фундаментальных прав человека и свободы личности: труд является правом, но не обязанностью, свободным

¹ Воейков М.И. Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (К 100-летию со дня рождения) // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10, № 2. С. 59.

выбором, а что касается потребности, то этот вопрос следует рассматривать исключительно индивидуально. Вполне можно представить себе ситуацию, при которой у того или иного человека не существует материальных стимулов к выполнению трудовой деятельности.

Однако советская практика свидетельствует о том, что подобные схемы совершенно не работают по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что в политико-идеолого-экономическом субстрате, которым являлись советское общество и государство, традиционные концепты и принятые в их рамках категории не обеспечивают реального понимания ситуации. В феномене советского общества оказались воедино слиты экономические отношения, совершенно не укладывающиеся в рамки «классической» экономической теории, политическая система, не имеющая ничего общего ни с «диктатурой пролетариата» на его раннем этапе и «общенародным государством» на более позднем, ни с коммунистическим идеалом, положенным в основу всего исторического предназначения СССР как «социалистического» государства. Это позволяет рассматривать труд и проблему этатизации труда в СССР, представленную в историческом контексте, в тесной связи и с ключевой категорией политэкономии – категорией собственности, и с коммунистическим идеалом, постулированным в последней версии программы КПСС в качестве цели и «путеводной звезды» к светлому будущему не только для «новой исторической общности – советского народа», но и для всей цивилизации.

Все концепты макроэкономики (или политэкономии в традиционной коннотации) основаны на категории собственности. В отличие от теории капитализма в разных ее реинкарнациях, базирующихся на различных моделях рыночной экономики и принципе частной собственности как отправного понятия экономической деятельности, все модели анализа советской экономики, независимо от опорного методологического концепта, естественным образом построены на реалиях отсутствия частной собственности на средства производства. Но в обществе, где нет частной собственности и слиты воедино идеологические и политические факторы, определяющие развитие экономики (а не наоборот, как утверждает теория марксизма), принципиально важные экономические категории приобретают совершенно иное звучание. В качестве контртезы частной собственности обычно рассматривается общественная собственность на средства производства, которая всегда была «альфой и омегой» политэкономического концепта социализма. Но ныне уже банальным является утверждение, что к советским практикам такое определение имеет весьма отдаленное отношение, поскольку теория радикально разошлась с реальностью. Становление советской системы, окончательно происшедшее в 1930-е гг., означало формирование социальных институтов и экономических механизмов, существенно отличающихся от того, о чем теоретизировали «классики» марксизма.

Теоретически принцип общественной собственности на средства производства означал, что прибавочный продукт оказывался в распоряжении общества в целом, которое в идеале должно было обеспечить его справедливое распределение. Но в условиях советской системы общество оказалось замещенным государством, которое посредством сформированных для этого институтов и владело, и распоряжалось собственностью, а также практически полностью контролировало систему распределения произведенного продукта, включая модели, принципы и механизмы их использования. Фактически произошла не столько этатизация труда, сколько этатизация экономической деятельности, в которой все ее компоненты – от ресурсов до произведенной продукции и системы потребления – оказывались лишь функцией государственных институтов. Этот принцип распространялся и на непосредственных участников экономической деятельности, которые вопреки теоретическим построениям и идеологемам «классиков марксизма» фактически рассматривались не как субъекты производства, обладающие творческими интенциями и проблемой выбора оптимальных сценариев трудовой деятельности, т.е. как человеческий капитал, а лишь как «трудовые ресурсы» наряду с ресурсами материальными.

Таким образом, принцип общественной собственности в рамках реальной практики советского социализма практически полностью оказывался замещенным государственной

монополией на собственность. Судьба кооперативной собственности была исторически predetermined в ходе уничтожения крестьянства и весьма тонкого слоя предпринимателей, возникшего в годы нэпа. Тем более государство не допускало и мысли о возможности существования частной собственности, которая являлась предпосылкой экономической самостоятельности и свободы в формировании индивидуальных сценариев хозяйственной жизни. Для замещения этого «недостающего звена» была изобретена личная «квазисобственность». Приставка «квази» здесь совершенно неслучайна, потому что в рамках личной собственности пользование (в отличие от права частной собственности, «по умолчанию» интегрировавшего в себе владение, пользование и распоряжение) всегда оставалось ограниченным и кондициональным, т.е. его возникновение и прекращение обуславливались рядом условий, большая часть которых не имела непосредственного отношения к трудовой деятельности и ее результатам.

Такой специфический характер советской экономики и связанной с ней социальной структуры был осознан некоторыми отечественными экономистами еще в советское время, хотя говорить об этом открыто даже в условиях хрущевского «строительства коммунизма» или брежневского «развитого социализма» означало подписать себе приговор, по крайней мере на занятие профессиональной деятельностью, а в более ранние периоды советской истории этот приговор вполне мог стать и фатальным. Поэтому изобретались альтернативные концепты, способные «обелить» социализм, если не советский, то некий его теоретический идеал, и охарактеризовать советские практики «эзоповым» языком. Самые интересные попытки такого рода концептуализации как раз и содержатся в работах Я.А. Кронрода, творческое наследие которого настолько объемно, что было бы наивно пытаться охарактеризовать его в данной статье². На самом деле Кронрод, который работал на основе марксистского диалектического метода, подписал смертный приговор социализму и коммунизму, но не объявил об этом предельно открыто, оставив для себя и своих сторонников «лазейку» в виде рассуждений о том, что сформировавшаяся система не соответствует социалистическому концепту. Однако его разработки позволяют глубже осмыслить и понять многие принципиальные исторические процессы, в том числе и имеющие отношение к проблеме трудовых и производственных отношений в советской модели социализма с политико-экономической точки зрения.

Концептуально Кронрод разделял социализм и сложившуюся в СССР систему социально-экономических отношений и механизмов политической власти, считая, что сам по себе социализм не может существовать без рыночных практик и товарно-денежных отношений. Для того чтобы охарактеризовать советскую реальность, он использовал термин «социогархизм», который вошел в название его небольшой, но очень плотной по содержанию «экономсофской» (по аналогии с историософией) работы. По формулировке Я.А. Кронрода, «Определение социогархизма берет свое начало в двух понятиях – социализация (обобществление) и олигархия (власть немногих, их политическое и экономическое господство). Им выражается некоторый социально-экономический феномен, возникший и развившийся в сложных перипетиях борьбы исторических сил за утверждение социализма в XX столетии. Соединение национально-государственного обобществления решающих средств производства с тоталитарной диктаторской властью слоя, правящего государством, что исключает реальную политическую демократию, превращает правящий слой в особый привилегированный слой политических и экономических олигархов в социогархию. Исторически специфический принципиальный признак социогархии состоит в том, что она представляет собой политическое и социально-экономическое новообразование – особый, противопоставленный всему остальному обществу правящий слой (монополизировавший в своих руках все функции управления – политического, экономического и др.)»³. Как утвер-

² См. об этом, например: *Воейков М.И.* Кронрод и дилеммы советской политэкономии... С. 54–65; Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М., 1992; Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория. М., 1996; и др.

³ *Кронрод Я.А.* Социогархизм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 122.

ждает Кронрод, это «новообразование» «воплощает в себе власть бюрократического милитаристского правящего слоя общества, осуществляемую в форме персональной тоталитарной диктатуры. Причем эта последняя вершит свою власть преимущественно методами насилия (а в известных исторических обстоятельствах – и массового террора) через аппарат бывшей правящей партии, которая из партии в действительности превращена в разветвленный, проникающий в общество на всех его уровнях и во всех его звеньях послушный механизм отправления власти диктатора в сочетании с подчинением аппарату партии аппаратов государства, хозяйства и всех других областей общественной жизни»⁴.

Таким образом, если продолжить эту мысль, в основе формирования подобного общества лежало «обобществление», т.е. предельная этатизация собственности, не общественная, как в теории, а государственная, как на практике, собственность, субъектом владения, использования и распоряжения которой является специфический социальный слой олигархии. Решение вопроса о собственности предопределяло и характер трудовых отношений – потенциал человека полностью оказывался в руках государства, труд становился обязанностью, создавался механизм принуждения к труду и к выполнению тех видов трудовой деятельности в тех объемах и на тех условиях, как это требовалось государству в лице «выразителей его интересов», вводилась система наказаний за уклонения от труда и нарушения продиктованных государством его условий, воплощенная в правовых механизмах и вне его норм. Жесткие формы проявления этатизации труда – прямые репрессии. Более мягкие формы выражения этатизации труда – замена социального запроса на подготовку специалистов определенного профиля государственным заказом, система обязательной отработки после получения специальности в указанных государством местах, запрет на увольнение и смену места работы и многое другое. Иными словами, как уже говорилось выше, это лишение субъектности всех, кто так или иначе вовлечен в процесс трудовой деятельности: субъектом регулирования труда во всех его проявлениях становилось государство. Нетрудно продолжить эту линию рассуждений с отношений между государством и личностью до взаимоотношений государства в виде соответствующих институтов и хозяйствующих субъектов. При этом на историческую арену выходит плано-распределительная система с Госпланом, Госснабом и подобными бюрократическими институтами – с одной стороны, и субъекты промышленного и сельскохозяйственного производства, а также сферы услуг, работавшие по предписанным сверху сценариям, – с другой. В итоге этатизированные трудовые отношения логически интегрируются в совокупность определяемых государственной монополией на собственность систему производственных отношений в целом. Таким образом, все упирается в вопрос огосударствления собственности на средства производства, потребляемые ресурсы и производимые продукты. По словам Кронрода, в такой системе «Экономические методы осуществления хозяйственного процесса, экономическое соревнование и материальные стимулы к труду ущемлены или вовсе ликвидированы, их заменяет принуждение. Палка преобладает над экономическим стимулом. Громоздкий, неповоротливый, косный, дорогостоящий аппарат и механизм хозяйственного управления порождает прямо-таки вакханалию расточительства труда живого и прошлого, равно как и естественных ресурсов»⁵.

Нетрудно заметить, насколько такая теоретическая схема близка к историческим реалиям, в которых формировался, жил и работал ее автор. Она фактически концептуализирует тот вариант общественного развития, который он мог наблюдать из окна своего рабочего кабинета. При беспристрастном взгляде на подобную конструкцию можно легко сделать вывод, что из нее «торчат уши» советского государства времен сталинизма, т.е. вполне реальной, «классической» и относительно законченной модели социализма. А также всего того, что описывается в рамках этатистских тоталитарных и авторитарных систем фашистского толка, базирующихся на госкапитализме, где государство глубоко «врастало» в корпоративную собственность, формируя с ней единый субстрат.

⁴ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 122.

⁵ Там же. С. 124.

Действовавшие в такой системе экономические отношения и механизмы неоднократно описаны в литературе. Одной из наиболее удачных и до сих пор широко используемых «социологизированных» (т.е. фактически политэкономических) концептов советской экономики стала модель административно-командной системы⁶. В ней уже содержатся более конкретные макроэкономические особенности советской социально-экономической модели. Считается, что в своем «классическом» формате она характеризовалась такими признаками, как «тотальное обобществление средств производства (в виде почти полного огосударствления промышленности); наличие иерархической структуры управления с жестким подчинением по вертикали; централизованное директивное планирование по принципу “сверху вниз”; мелочная регламентация из Центра всех управленческих функций (вплоть до оперативных) и соответствующих материальных, финансовых и людских ресурсов для решения как важнейших государственных, так и текущих задач; отраслевая структура управления экономикой; наличие серьезных диспропорций в структуре экономики (преобладающее значение военно-промышленного комплекса в ущерб остальным отраслям экономики); оценка результата работ (главным критерием) по валу, т.е. исключительно по количественным показателям; отказ от товарно-денежного регулирования экономики и, соответственно, широкое использование внеэкономических методов»⁷.

Но теория всегда отличается от реальной жизни, и в жизни все было несколько иначе. Эта модель, как и любая теоретическая конструкция, выглядит упрощенно, однако она содержит в себе основные характеристики той системы, которая сложилась в стране в 1930–1940-е гг., и иногда также называется мобилизационной экономикой или даже «советской индустриальной цивилизацией», отличительной чертой которой была военно-промышленная направленность⁸. Любой историк, занимающийся «структурами повседневности», найдет массу примеров общественной жизни и трудовых отношений, не укладывающихся в общее русло. Но это не препятствует релевантности ее фундаментальных характеристик, сформулированных выше, в том числе почти предельной этатизации и государственной регламентации труда. В этом смысле ясно проступает и социально-экономический идеал такой системы, при этом неважно, как она будет называться в зависимости от методологических позиций исследователя – «классический» сталинизм, советский вариант тоталитаризма, или, как у Кронрода, социогархизм. В любом случае она будет предполагать обобществленную (государственную) собственность на средства производства и систему распределения продуктов и услуг, этатизированный труд и, соответственно, производную от этого структуру общества.

В теории социальная структура советского общества базировалась на идеологеме всеобщего равенства, а социальное равенство подразумевало и отсутствие выраженной экономической дифференциации. В реальности госсобственность и экономическая платформа предполагали равенство в бесправии, а отсутствие экономической дифференциации – существование в тех условиях, которые государство определит в качестве нормы. В 1930–1940-е гг. равенство в бесправии дополнялось равенством в нищете и бедности. В условиях СССР в ходе форсированной индустриализации государство начало систематически отправлять большую долю инвестиций на развитие производства средств производства, рассматривая население исключительно как ресурс и максимально зарегулировав потребление.

⁶ Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

⁷ Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41; См. также: Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161; Яшин В. Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145–147; Коржихина Т.П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М., 1992. С. 4–26; и др.

⁸ Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 90-х гг. М., 1997. С. 3–4.

Кронрод подчеркивал, что в СССР «Индустрия создавалась за счет не знавшего границ наступления на жизненный уровень трудящихся, расточения их сил, здоровья, жизней, уровень с которыми могут разве что идти подвиги первоначального накопления капитала»⁹. Но даже в условиях хорошо отлаженной карательной машины при формировании инвестиционных стратегий руководству страны приходилось постоянно балансировать на грани обострения социальных проблем на фоне растущей интенсификации труда¹⁰. Однако такой вариант не гарантировал стабильность системы и по другой причине: она должна была обеспечить устойчивость мотивации не только для экономического развития, но и для укрепления системы контроля, надзора, регулирования и принуждения. В силу этого слабая дифференциация населения, отражавшаяся в статистически фиксируемых доходах, имела мало общего с реальными характеристиками экономического неравенства, поскольку эта конструкция эффективно дополнялась внеэкономическими элементами¹¹. Советская идеология представляла советское общество как меритократическое, но на самом деле это было совершенно не так. Чтобы как-то «договориться с реальностью», идеология «стремилась оправдать существование социального неравенства (пусть и временного) тем, что объективные механизмы, создающие это неравенство, подчинены глобальной задаче по ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем»¹².

На самом деле неравенство в СССР носило системный характер и было мало связано с результатами труда. Это позволяет интерпретировать советскую систему в целом как «этакратическую», «социальная дифференциация при которой имела неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии, носила сословно-слоевой характер»¹³. Но и там возможности распоряжения имуществом были ограничены даже для тех, кто им обладал, поэтому в полной мере относить его к категории собственности в классическом смысле этого понятия невозможно. Это и предопределяло использование термина «личная собственность» вместо частной собственности, которая всегда предполагает не только владение, но свободу использования и распоряжения собственностью, в том числе и для извлечения прибыли. Реализованная в СССР квазифеодальная модель по российской традиции предпочитала возможность приближения к власти условных «дворян», полностью зависимых от «государя», но не позволять им становиться «боярами».

Формальные показатели дохода по труду, выраженного в денежном эквиваленте, конечно, имели определенное значение, но для понимания социальной основы экономической модели важнее был статус человека в иерархии государственных институтов. Переходя от экономики в область социальных отношений, Кронрод жестко формулировал: «Социалистическая тенденция реализуется также и в формах правосословного закрепления привилегий всяческого рода. Правосословное оформление социалистической многообразно: правовое закрепление кастово-привилегированных и обособленных верхушек – партийная и государственная “номенклатура”, военный, охранный, а также охватывающий все ширящийся круг гражданских отраслей деятельности (дипломатия, юстиция) “табель о рангах”, т.е. пожизненное закрепление чиновничье-кастовых преимуществ и прав; фактически наследственные преимущества в закреплении должностей олигархии, в частности при помощи предоставления детям олигархов неограниченных преимуществ в получении высшего образования и совершения карьеры под беззастенчивой опекой отцов, использующих свои связи; развитый nepotизм; внутриолигархические браки, накопление крупных потребительских имуществ, передаваемых по наследству, и т.д.»¹⁴. По утверждению С.Г. Кордонского, который переосмыслил ситуацию в новых условиях спустя несколько

⁹ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 140.

¹⁰ Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. М., 2008. С. 128.

¹¹ См.: Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71.

¹² Вальдера Хиль Х. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. 2015. № 24 (4). С. 54–55.

¹³ Шкартан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 10.

¹⁴ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 130.

десятилетий, но позиция которого в этом отношении принципиально не расходится с Кронродом, «Новая огосударствленная социальная структура основывалась на распределительных отношениях, а не на отношениях к средствам производства, полностью национализированным. <...> На советском административном рынке политическая и экономическая реальности составляли единое целое, где все деятельности были иерархизированы. <...> Экономическое положение членов групп социалистического общества было однозначно связано с их политическим (в специфическом для социализма смысле) статусом. Система политических статусов (социальное происхождение, образование, социальное положение, место жительства и т.п.) задавала экономическое положение гражданина СССР»¹⁵. Таким образом, неравенство доходов, получаемых в виде заработной платы или иных формах, не отражало градиент неравенства в потреблении. Тем более что это касалось не только товаров, но и услуг, таких как потребление в системах медицины, образования и трудоустройства. В СССР «характер потребления определяется социально-учетными параметрами, такими как прописка и место жительства, должность, занятость в более и менее важной отрасли народного хозяйства»¹⁶, т.е. системой приоритетов, которые устанавливает государство. По мнению С.А. Красильникова, в Советском Союзе произошла рефеодализация общества, в условиях которой значительно возросла роль государства и прав, привилегий и повинностей по отношению к государству¹⁷. А в условиях феодальной структуры общества говорить о доходах индивида по затраченному труду как об основном источнике благосостояния не имеет особого смысла. О «логике и практике советской сословности» в рамках такой системы рассуждений убедительно пишет С.Г. Кордонский уже в другой своей работе¹⁸.

Некоторые другие методологические платформы приводят специалистов, по сути, к тем же выводам. Например, О.Э. Бессонова, социолог и экономист, формулирует свой оригинальный концепт «раздаточной экономики» и справедливо отмечает: «Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т.д. Другими словами, это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование»¹⁹. Все это в совокупности как раз и отражало реальное неравенство в обществе.

В этих более поздних выводах и заключениях, представленных в виде научных концептов, нет эмоциональных характеристик советского (но без указания на это!) общества, которые присутствуют в уже упомянутой и некоторых других работах Кронрода. Отличает их и тот факт, что, в отличие от Кронрода, они все же так или иначе принимают базовую концепцию сформированной в СССР системы как социалистической или же не затрагивают этот вопрос, оставляя за читателям право делать самостоятельные заключения. Кронрод, пытаясь работать в рамках марксистской формационной парадигмы, считал советское общество неким внеформационным образованием, своего рода историческим тупиком. Собственно, как представляется, для этого им и был изобретен термин «социолигархизм». Но в целом упомянутые характеристики основ «классической» советской системы, возникшей в СССР накануне Второй мировой войны, в контексте форм собственности, организации труда и системы производственных отношений, потребления, а также социально-политической надстройки, обеспечивающей функционирование этой системой, весьма близки независимо от названия. Ясно, что в рамках такой системы провластным идеалом организации труда и оптимальной формой трудовых отношений выступает система

¹⁵ Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 14, 62.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): учеб. пособие. Новосибирск, 1998.

¹⁸ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 44-56.

¹⁹ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М., 2006. С. 91.

трудовых и концентрационных лагерей. Советскую систему ГУЛАГ можно рассматривать как крайние проявления такой модели трудовых отношений, где *Arbeit macht frei*, свободных от всего, в том числе и от распоряжения собственной жизнью. Но в некотором смысле эта идеология распространялась и на всю экономическую систему с лишенными субъектности экономическими акторами. Фактически таким трудовым лагерем с разным уровнем ригидности в его отдельных сегментах выступала вся страна. Иногда для смягчения акцентов СССР называют USSR Ltd.²⁰, хотя, как нам представляется, назвать такую систему корпорацией – значит сделать ей большой комплимент.

Смерть Сталина, утверждение у власти Н.С. Хрущева, XX съезд КПСС и десталинизация не привели к изменениям фундаментальной экономической основы советского режима. В стране сохранялись прежние отношения собственности. Развал ГУЛАГа привел к тому, что из экономики выпал огромный сегмент дешевого принудительного труда. Прочие трудовые отношения были также модифицированы: например, устранена криминализация труда, смягчена система наказаний за нарушение трудовой дисциплины и т.д. С началом выдачи паспортов колхозникам для половины населения страны важнейшим фактором в праве на определение жизненных траекторий стала возможность менять место работы и сферу деятельности, перемещаясь из деревни в город и из аграрного сектора в индустриальный. Но основы системы этатизированного труда и распределения его продуктов и благ при всепоглощающей роли государства в этом процессе не подвергались сомнению. Более того, «окостенение» экономической платформы советского общества привело к тому, что в послевоенные годы в нем окончательно закрепились система политических статусов (в интерпретации С.Г. Кордонского) и оно все более тяготело к перерождению в сословно-кастовое общество, что определяло и место в иерархии неравенства. Соответственно, несмотря на вновь усилившиеся при Хрущеве меритократические тенденции, не изменилась ситуация и в отношении экономического (социально-экономического) неравенства, которое по-прежнему носило системный характер.

Однако структура экономики в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. уже изменилась. В основе этого лежали объективные факторы: увеличение масштабов производства, изменение технологической основы экономики, формирование новых технологических укладов, прежде всего в сфере ВПК, и повышение роли научно-технического прогресса (НТП) в целом и, в конечном счете, изменение характера труда. Это требовало дальнейшей корректировки экономических связей и отношений на разных уровнях: от народно-хозяйственного комплекса в целом до отдельных субъектов производственной деятельности. Противоречия новой ситуации с классической моделью экономики и механизмами регулирования производственных, а значит и трудовых отношений все более нарастали. К тому же с отказом от лагерного сталинизма и распадом системы ГУЛАГ она лишилась своего важнейшего сущностного компонента. Это могло стимулировать экономическое развитие, но лишь при условии, что будет найдено, чем можно в этой модели заменить выпавший фрагмент, либо модифицировать саму модель, тем более что результаты экономического развития страны после в целом успешных 1950-х гг. к концу этого десятилетия стали более чем тревожными²¹.

Именно такую цель со свойственным ему энтузиазмом и поставил перед собой Н.С. Хрущев. И сразу же столкнулся с несколькими принципиальными проблемами. Задачу ускорения экономического развития Хрущев попытался интегрировать в более широкую программу – программу построения коммунизма, которой со второй половины 1950-х гг. оказался подчинен весь идеологический и политический дискурс и вся программа экономических реформ. Третья программа КПСС, как и сам по себе коммунизм, стала ключевой идеологией хрущевского времени. В основе хрущевского (впрочем, как и сталинского) коммунизма лежал материально-технический базис, по сути – политэкономическая

²⁰ Nove A. *The Soviet Economic System*. London, 1977. P. 7.

²¹ См. об этом, например: Кудров В.М. *Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления*. М., 1997; Ханин Г.И. *Экономическая история России в новейшее время*. Новосибирск, 2008. Т. 1; и др.

платформа. И в этом отношении, при всем различии формулировок и стремлении максимально дистанцировать «вождя народов» от концепта новой программы компартии, Хрущев «верной дорогой» шел по стопам Сталина²².

«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – так звучал самый известный слоган хрущевского времени. Он «открывал» для советских людей «дорогу в светлое будущее» и перспективу жизни при изобилии и благоденствии, тем самым обладая огромным потенциалом манипулирования. Хрущев не ставил под сомнение тезис, что «идеи овладевают массами», и в этом смысле он разворачивал и конкретизировал идеологему в понятном для населения направлении, связанном с экономикой. В ходе одной из встреч «с народом» Хрущев подчеркивал, что «...Разрабатывается проект новой Программы партии, которую примет XXII съезд КПСС. Это будет не какой-то прогноз, а конкретный план действий по строительству коммунизма в нашей стране»²³.

Программа КПСС содержала определение коммунизма. Оно имело описательный и весьма размытый характер. Формулировалось, что при коммунизме «все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”»²⁴. В этом смысле, кстати, проектировки Хрущева не отличались от более ранних сталинских редакций. Но народу был ближе другой, более лаконичный тезис, прозвучавший в докладе Хрущева: «Чаша коммунизма – это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад и каждый из нее черпать»²⁵.

Для адаптации провозглашаемой стратегии к новым социально-экономическим условиям и глобальным вызовам было использовано понятие НТП, на основе которого предполагалось достигать провозглашенных целей. В дальнейшем возник тезис о соединении достижений НТП с преимуществами социализма, который положили в основу теории научно-технической революции (НТР), ставшей советским ответом на западные концепции постиндустриального общества. На протяжении ряда лет некоторые философы и социологи возлагали на НТР большие надежды, предполагая, что на ее базе реализуются концепты конвергентного развития и на СССР распространятся глобальные тренды социально-экономического прогресса. Тот же Кронрод писал: «...Подавление творческих начал труда приходит в непримиримое противоречие с объективными условиями функционирования социально-производственной и экономической систем, требуемых научно-технической революцией. Потенциал самодействия и творчества личности, неотвратимо реализуемый всем механизмом функционирования современных производительных сил, точно так же как и рост ее образованности и уровня интеллектуального развития, становится мощной энергией ее общественного сопротивления социализму»²⁶.

Однако затем наступило разочарование. В итоге марксистская теория НТР фактически стала очередной идеологемой, где были сформулированы «официальные» представления о путях вхождения СССР в новое цивилизационное пространство. Теория НТР предполагала концентрацию внимания на научных, технико-экономических и технологических достижениях мировой экономики, полностью игнорируя социально-экономические факторы, породившие эти достижения, а также социально-экономические последствия их использования. Предполагалось, что социализм создает все необходимые условия для использования научно-технических достижений в экономической практике. Естественно, что теория НТР не затрагивала и базисные элементы советской социально-экономической платформы. Факти-

²² Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347.

²³ Беседа со знатными людьми Дона в станице Вешенской. 31 августа 1959 г. // Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 4. С. 46.

²⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 3. С. 274.

²⁵ Доклад Н.С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза» // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. I. С. 167.

²⁶ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 129.

чески в рамках такой концептуализации НТР, сформулированная в жестких рамках марксистско-ленинской методологии, становилась тормозом социально-экономического развития страны в условиях постиндустриальных изменений²⁷. В контексте новой программы КПСС и строительства коммунизма теория НТР, по сути, выполняла подчиненную, служебную функцию.

Два аспекта формировали основное содержание экономической парадигмы строительства коммунизма «по-хрущевски» – социально-экономический эгалитаризм и консюмеризм. Вопреки реально сложившейся в СССР практике «статусного» распределения продуктов потребления и услуг вне трудовых отношений и результатов труда, принцип экономического эгалитаризма фактически доминировал в хрущевской стратегической программе. Он проявлялся в том внимании, которое уделялось в стратегии Хрущева опережающему развитию общественных фондов потребления, а также в реальной экономической политике, в рамках которой происходило снижение дифференциации формальных доходов населения²⁸. Очевидно, что принцип эгалитаризма следует интерпретировать в контексте прочих идеологем хрущевского времени. Обществом это воспринималось как некая «справедливая уравниловка» в потреблении на пути к богатству и благополучию. Естественно, что в условиях весьма низких стандартов потребления это обеспечивало таким идеям широкую популярность.

Однако эгалитаризм в экономической парадигме Хрущева сочетался с другой особенностью – консюмеризмом, ставшей следствием увлечения экономикой потребления. Соединение в социально-экономической стратегии эгалитаризма, т.е. стремление к уравнительному распределению ресурсов и благ как основному способу устранения противоречий в экономике и обществе, весьма утопическое по своей природе, и консюмеризма, направленного на стимулирование потребления, выглядело достаточно парадоксально, особенно в условиях непреодоленной структурной бедности. Справедливо отмечается, что «Можно предположить, что коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой»²⁹, и такое мнение имело под собой основания.

Экономический эгалитаризм вполне согласовывался с огосударственной собственностью и этатизированной системой распределения результатов труда, оставляя «за скобками» все то, что касалось привилегированных социальных страт, вовлеченных в систему управления, контроля и надзора. Но далее возникала проблема с декларированным консюмеризмом. Обозначенный уровень доходов был, во-первых, совершенно недостижим на имеющейся экономической основе даже при условии дальнейшего количественного наращивания ее потенциала, что позволяет рассматривать его даже не как идеологему, а как мифологему в рамках политики популизма. Во-вторых, консюмеризм в конечном итоге даже в теории предполагал иной формат постановки и решения проблемы собственности, возникающей в качестве результата труда (и не только, например, наследования имущества), связанный с утверждением полных прав собственника над имуществом и распоряжением им. Модель «общества потребления» вступала в конфликт с традиционной для СССР моделью военизированной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом и заведомо проигрывала последней. Эта проблема оставалась незамеченной, хотя она подрывала политэкономические основы сложившейся в государстве модели отношений

²⁷ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 115–117.

²⁸ Novokmet F, Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge, MA, USA, 02138. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 22.12.2022); Век расслоения: шесть графиков о неравенстве в России. 23 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://aurora.network/articles/6-jekonomika/54657-vek-rassloenija-shest-grafikov-o-neravenstve-v-rossii> (дата обращения: 22.12.2022); Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм...

²⁹ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 36.

собственности и, соответственно, производственных и трудовых отношений. Это также говорило о том, что декларированные принципы экономической стратегии на деле оставались лишь идеологемами и не были предназначены для реализации на практике. Обозначенный в качестве ориентира высокий уровень жизни на основе социально справедливого и относительного равного, но разумного потребления выглядел привлекательно для массового потребителя. В то же время вопрос о том, что «в системе, в которой отношения собственности по владению, распоряжению и использованию разделены, а цены устанавливаются директивно, исходя из политических и иных целей, говорить о распределении богатства и доходов в общепринятом смысле достаточно бессмысленно»³⁰, просто не поднимался и не мог ставиться. Соответственно, в условиях этатизированных трудовых отношений не имело смысла говорить и о затратах труда, и о потреблении по труду.

К тому же консюмеризм не мог не стимулировать стремления к праву на полное распоряжение имуществом. В общем смысле это противоречило государственной идеологии и практике потребления и распоряжения имуществом на основе статуса в иерархизированной бюрократической системе. В исследованиях справедливо подчеркивается, что «...в планах советский человек оказывался не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно было быть в гардеробе. Естественно, все это обосновывалось научными данными и экспертными заключениями. Человек оказывался не принадлежащим себе и при этом максимально рационализированным»³¹. И это противоречие, как представляется, тоже имело свои корни в специфике отношений собственности, производственных и трудовых отношений и не могло рано или поздно не выйти на поверхность.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну связанную с вышеперечисленными проблему, с которой постоянно сталкивались все субъекты экономики – это проблема мотивации к производительной деятельности. Наука не придумала ничего эффективнее дихотомии «кнута и пряника». С «кнутом» при «классическом» социализме в его сталинской версии все было в порядке, но после ликвидации массового принудительного труда возникла потребность в более изобретательном поиске новых форм стимулирования к труду, избегая прямого насилия, а сложившаяся на заре индустриализации мобилизационная экономическая платформа легче всего воспринимала именно простые формы принудительного труда. С «пряниками» в условиях десталинизации дело обстояло несколько хуже: места для «пряников», под которыми в данном случае понимается проблема мотивации труда, в производственной системе нужно было находить фактически заново. Хрущев, выступая как популист, предпочитал делать явный упор на моральные стимулы, которые традиционно дополнялись жестким планированием и регулированием. Собственно, все декларированные идеологемы как раз и выступали в качестве таких моральных стимулов, и на этом строилась переживавшая при Хрущеве «апгрейд», но сохранившая прежнюю «элементную базу» политика индоктринации. Главным из идеологом был сам лозунг о построении коммунизма и достижении всеобщего благосостояния в обозримый период, фактически при жизни одного поколения. Однако, как убедительно свидетельствует вся мировая практика, моральные стимулы действуют лишь короткое время и только тогда, когда они эффективно дополняются материальными. И с этим возникла большая проблема. Советская система «классического сталинизма» их не исключала, но в ней они эффективно работали лишь в рамках приоритизированных сегментов экономики и социальных страт, наиболее очевидным примером которых было решение «Задачи № 1» – программы создания ядерного оружия³². Теперь же возникала задача перезапустить обновленную систему стимулирования для экономики в целом с тем, чтобы резко поднять эффективность производства. И в этом отношении политэкономическая система уперлась в глухую стену: моральные стимулы, выраженные в

³⁰ Клисторин В.И. Россия в XX веке. Цена революции // ЭКО. Всероссийский экономический журнал, 2017. № 11. С. 41.

³¹ Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 433.

³² См., например: Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

лозунгах и призывах, быстро теряли свою работоспособность, система «кнута» больше не работала, поскольку в условиях десталинизации и либерализации режима исчез репрессивный механизм, который ранее служил универсальной основой организации труда, а полномасштабное использование факторов материального стимулирования фактически «подрывало основы» политэкономической платформы, поскольку неизбежно обращалось к проблеме товарно-денежных отношений и экономических методов хозяйствования не так, как их постулировала «политэкономия социализма», а более или менее нормальным, рыночным образом.

Рассуждая об этом, Кронрод писал: «Следующая закономерность, порождаемая и развиваемая всем ходом изменений современного индустриального общества (во всех его социально-экономических формах), – необходимость в экономической свободе производителя и коллективов производителей. Современное концентрированное и централизованное (в национально-общегосударственных и даже межгосударственных рамках) производство находилось бы в непримиримом противоречии с самой сущностью интеллектуально-творческих функций трудящихся, равно как и с элементарными требованиями политической демократии, если оно лишено было бы экономической автономии отдельного индивида, их коллективов в общественном труде, превращало бы их в автоматических исполнителей команд сверхцентрализованного экономического механизма»³³.

Иными словами, должна была измениться вся система производственных и трудовых отношений, полностью монополизированная государством в условиях предельной этатизации труда и производства. Более того, при этом возникал вопрос о характере собственности на средства производства и механизмах производства и использования прибавочного продукта, совершенно запретный в советские времена, поскольку он противоречил основам марксизма. Именно в эту проблему как в стену и уперлась экономическая реформа Косыгина (по сути, второй этап реформы управления народно-хозяйственным комплексом, инициированный Хрущевым). Понимание этой проблемной ситуации не могло не прийти в голову тех экономистов, кто был способен отрешиться от марксистских догм и идеологием, но оставался в рамках марксистской парадигмы. Но также было понимание и того, что декларирование таких принципов – это как минимум обвинение в ревизионизме. И все же в работах академиков Арзуманяна, Немчинова и некоторых других «столпов» официальной экономической науки можно увидеть слабые намеки на необходимость активации материального стимулирования экономических акторов. Более явно они прослеживаются в известной и нашедшей статью скромного провинциального профессора Е.Г. Либермана³⁴, за спиной которого, как полагают некоторые исследователи, стояли более знаковые фигуры экономического истеблишмента. Но все они хорошо понимали, чем чревато раскачивание ситуации с продвижением программы экономических методов регулирования и формирования системы материального стимулирования производства и на какие проблемы оно выводило с политэкономической и философской точек зрения, а также чем могло закончиться для их личных научных карьер.

К чести Н.С. Хрущева, он не препятствовал начавшемуся экономическому дискурсу. Заслугой Хрущева справедливо считается то, что он «санкционировал» реформы, в рамках которых формировался своеобразный бюрократический рынок, построенный на обмене, осуществляемом как органами власти, так и отдельными лицами, и возникал новый вариант управления экономикой – экономика согласования, включавшая в себя механизм обратной связи³⁵. Основой модифицированной системы становилось «итеративное планирование,

³³ Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 128.

³⁴ Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

³⁵ Аввен П.О., Широкин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 34; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя. М., 1991. С. 31–62; Найшуль В. Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5–14; и др.

включающее в себя многократное согласование плановых заданий между “заказчиками” и “исполнителями”, и «планы, распределение ресурсов, административные инструкции, власть и положение в иерархических структурах. Как предмет административно-бюрократической торговли выступали планы. <...> Сама система согласований действовала по принципу *liberum veto*, который предусматривал принятие компромиссного решения всеми заинтересованными участниками административно-бюрократической торговли. Поэтому отныне распоряжения центра не являлись столь категоричными императивами для местного руководства»³⁶.

Как показала дальнейшая практика, эта модель также была далека от оптимальной, а «бюрократический рынок» оказался совсем не тождественным нормальным товарно-денежным отношениям в экономике, стимулирующим конкуренцию производителей снизу доверху. Что касается планов, то по мере прогрессирующего усложнения экономики они лишь увеличивались в масштабах и окончательно становились нереализуемыми не только на практике, но и в теории, все более переходя из сферы экономического планирования и прогнозирования в область идеологии. И это сказывалось на всех субъектах экономической деятельности. Как не вспомнить в этой связи известное изречение Ф. Хайека из его знаменитой «Дороги к рабству»: «Чем больше государство планирует, тем труднее становится планировать индивиду». Представляется, что одной из причин нарастающего коллапса в экономике СССР как раз и стала нерешенная проблема этатизации – этатизации собственности, этатизации производственных и трудовых отношений, этатизации труда в целом, как, собственно, это можно было представить в рамках экономических и историософских концептов Кронрода, созданных более полувека назад. К чему это привело, теперь уже хорошо известно.

Литература

Авен П.О., Широнин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 33–37.

Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: РОССПЭН, 2017. 341 с.

Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347.

Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436.

Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 90-х гг. М.: Мосгорархив, 1997. 214 с.

Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 142 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с.

Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161.

Вальдера Хиль Х. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. 2015. № 24 (4). С. 54–55.

³⁶ Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 37.

Воейков М.И. Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (К 100-летию со дня рождения) // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10, № 2. С. 54–65.

Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.

Клисторин В.И. Россия в XX веке. Цена революции // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 11. С. 37–46.

Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 238 с.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.

Коржихина Т.П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М.: РГГУ, 1992. С. 4–26.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 119–145.

Кронрод Я.А. Социализм как псевдосоциализм XX века // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 126–141.

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 301 с.

Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя. М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.

Найшуль В. Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5–14.

Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода) / отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Наука, 1992. 211 с.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с.

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск: НГТУ, 2008. Т. 1. 515 с.

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Высшая школа экономики, 2012. 525 с.

Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория. М.: ИЭ РАН, 1996. 157 с.

Яшин В. Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145–147.

Nove A. The Soviet Economic System. London: Allen & Unwin, 1977. 399 p.

Novokmet F, Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, USA, 02138. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 22.12.2022)

References

(1992). Sudba uchenogo i tragediya nauki (K 80-letiu so dnya rozdeniya Ya.A. Kronroda) [The Fate of a Scientist and the Tragedy of Science (To the 80th Anniversary of Ya.A. Kronrod). Edited by L.I. Abalkin]. Moscow, Nauka. 211 p.

(1996). Ya.A. Kronrod: lichnost uchenogo, politicheskaya situatsiya, ekonomicheskaya teoriya [Ya.A. Kronrod Personality of a Scientist, Political Situation, Economic Theory]. Moscow, IE RAN. 157 p.

Artemov, E.T. (2017). *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic Project in the Coordinates of the Stalin's Economy]. Moscow, ROSSPEN. 343 p.

Artemov, E.T., Vodichev, E.G. (2021). Po stalinskim lekalam: ekonomicheskie strategii kommunisticheskogo stroitelstva v programnykh ustanovkakh khrushchevskogo rukovodstva [According to Stalin's Patterns: The Economic Strategy of Communist Construction in the Program Settings of the Khrushchev Leadership]. In *Idei i idealy*. Vol. 13, No. 4, part. 2. Pp. 324–347.

Aven, P.O., Shironin, V.M. (1987). Reforma khozyaistvennogo mekhanizma: realnost namechennykh preobrazovaniy [Reform of the Economic Mechanism: The Reality of the Planned Transformations]. In *Izvestiya SO RAN SSSR. Seriya ekonomiki i prikladnoy sotsiologii*. No. 13, Is. 3. Pp. 33–37.

Bakanov, S.A., Fokin, A.A. (2019). “A pri kommunizme vse budet...”: gosudarstvennoe planirovanie urovnya zhizni sovetskogo cheloveka k 1980 godu [“And under Communism Everything will Be...”: State Planning of the Standard of Living of a Soviet Person by 1980]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 9, No. 2. Pp. 420–436.

Belonogov, Yu.G. (2014). Evolutsiya Sovetskoy Modeli Ekonomiki 1950–1960-kh v otechestvennoy istoriografii [The Evolution of the Soviet Model of the Economy of the 1950s–1960s in Domestic Historiography]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. No. 1, pp. 35–41.

Bessonova, O.E. (2006). *Razdatochnaya ekonomika Rosii: Evolutsiya cherez transformatsii* [Distribution Economy of Russia: Evolution through Transformations]. Moscow, ROSSPEN. 142 p.

Bezborodov, A.B. (1997). *Vlasti i nauchno-tekhnicheskaya politika v SSSR v seredine 50-kh – seredine 60-kh gg.* [Power and Scientific and Technical Policy in the USSR in the mid-50s – mid-90s]. Moscow, Mosgorarkhiv, 214 p.

Bokarev Yu.P. (2007). *SSSR i stanovleniye postindustrialnogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody* [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West, 1970–1980s]. Moscow, Nauka. 380 p.

Borisov, Yu.S. (1989). Stanovlenie komandno-burokraticheskoy sistemy [The formation of the command-bureaucratic system]. In *EKO. All-Russian Economic Journal*. No. 1, pp. 145–161.

Fokin, A.A. (2017). “Kommunizm ne za gorami”. *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism is not Far Off”. Images of the Future in the Power and Population of the USSR at the Turn of the 1950–1960s]. Moscow, ROSSPEN. 221 p.

Gregory, P. (2008). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 398 p.

Khanin, G.I. (2008). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya* [Economic History of Russia in Modern Times]. Novosibirsk, NSTU, Vol. 1. 515 p.

Klistorin, V.I. (2017). Rossiya v XX veke. Tsena revolyutsii [Russia in the 20th Century. The Price of the Revolution]. In *ECO. All-Russian Economic Journal*. No. 11, pp. 37–46.

Kordonsky, S. (2006). *Rynki vlasti. Administrativnye rynki v SSSR i Rossii* [Markets of Power. Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI. 238 p.

Kordonsky, S.G. (2008). *Soslovnaia struktura post-Sovetskoi Rossii* [Social structure of post-Soviet Russia]. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation Publisher, 216 p.

Krasilnikov S.A. (1998). *Na izlomakh sotsialnoi struktury; marginaly v post-revolutsionnom Rossiiskom obshchestve* [At the Breaks of the Social Structure: Outcasts in Post-Revolutionary Russian Society (1917 - Late 1930s)]. Novosibirsk: NSU Publisher, 91 p.

Kronrod, Ya.A. (2016). Sotsoligarkhizm kak psevdosotsializm XX veka [Socialist Oligarchism as Pseudo-Socialism of the 20th Century]. In *Voprosy politicheskoy ekonomii*. No. 3, pp. 119–145.

Kronrod, Ya.A. (2016). Sotsoligarkhizm kak psevdosotsializm XX veka [Socialist Oligarchism as Pseudo-Socialism of the 20th Century]. In *Voprosy politicheskoy ekonomii*. No. 4, pp. 126–141.

Kudrov, V.M. (1997). *Sovetskaya ekonomika v retrospektive: Opyt pereosmysleniya* [Soviet Economy in Retrospect: A Rethinking Experience]. Moscow, Nauka. 301 p.

Nayshul, V. (1994). Kluch k reformam nakhoditsya v nerynochnoy sfere [The Key to Reforms is in the Non-Market Sphere]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 5–14.

Nove, A. (1997). *The Soviet Economic System*. London, Allen & Unwin. 399 p.

Novokmet, F, Piketty, T., Zucman, G. (2017). From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge, MA, USA, 02138. 2017. Aug. Available at: URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (date of accesses 22.12.2022).

Popov, G.Kh. (1987). S tochki zreniya ekonomista [From the Point of View of an Economist]. In *Nauka i zhizn*. No. 4, pp. 54–65.

Shkaratan, O.I. (2012). *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost* [Sociology of Inequality. Theory and Reality]. Moscow, Higher School of Economics. 525 p.

Vodichev, E.G. (2022). Ekonomicheskoe neravenstvo i sovetskiy egalitarizm: idei i idealy ot Stalina do Khrushcheva [Economic Inequality and Soviet Egalitarianism: Ideas and Ideals from Stalin to Khrushchev]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (74), pp. 63–71.

Voeykov, M.I. (2012). Ya.A Kronrod i dilemmy sovetskoj politekonomii (K 100-letiu so dnya rozhdeniya [Ya.A. Kronrod and the Dilemmas of Soviet Political Economy (To the 100th Anniversary of His Birth)]. In *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 10, No. 2, pp. 54–65.

Waldera-Gil, H. (2015). Legitimatsiya sotsialnogo neravenstva v sovetskoj ideologii stalinskogo perioda [Legitimation of Social Inequality in the Soviet Ideology of the Stalinist Period]. In *Mir Rossii*. No. 24 (4), pp. 54–55.

Yashin, V. (1992). Prichiny krizisa administrativno-komandnoy sistemy i ee protivorechiya [Causes of the Crisis of the Administrative-Command System and Its Contradictions]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 1, pp. 145–147.